

DOI: 10.17976/jpps/2016.01.10

НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫЕ РЕЖИМЫ: РАЗНООБРАЗИЕ, ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ

Н.С. Розов

РОЗОВ Николай Сергеевич, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права СО РАН, Новосибирский государственный университет. Для связи с автором: nrozov@gmail.com

Статья поступила в редакцию: 11.05.2015. Принята к печати: 28.10.2015

Аннотация. Данная статья продолжает и развивает сюжеты предыдущей публикации автора (“Полис. Политические исследования” № 6, 2015, с. 157-172), в которой в рамках авторской теории трансформации политических режимов критически переосмысляются понятия политического режима, политического отношения, политического взаимодействия, рутинных и конфликтных стратегий, рассматриваются условия режимных кризисов, а также средствами понятийного аппарата предлагаемой теории раскрывается природа неопатримониализма. В данной публикации внимание автора концентрируется на структурной типологии неопатримониальных режимов, которая выстраивается на основе различных отношений между ядром режима (патронажной сетью) и его периферией (группами и индивидами, не попавшими в эту сеть). Таким образом, различаются частичная демократия, жесткий авторитаризм и тоталитаризм, каждый со своей спецификой неопатримониальных связей. На этой теоретической основе рассмотрено разнообразие неопатримониальных режимов с африканской, латиноамериканской и постсоветской спецификой. Проанализированы факторы стабильности и турбулентности, причины выбора того или иного вектора режимной трансформации. Проводится анализ динамики постсоветских режимов в трех измерениях: а) демократия – авторитаризм – тоталитаризм, б) стабильность – турбулентность – нестабильность и в) уровень бюрократизации. Известные факторы государственных распадов и трансформации режимов уточнены для разных типов неопатримониализма. Сформулированы и обоснованы условия посткризисного демократического развития.

Ключевые слова: неопатримониализм; бюрократизация; трансформация режимов; политические отношения; политические кризисы; постсоветские режимы; условия демократизации.

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Широко распространенная официальная идеологема о России как “особой цивилизации” контрастирует с внушительным объемом политологических исследований, где российское политическое устройство вместе с большинством постсоветских государств оказывается в обширной семье неопатримониальных режимов (см. литературу, приводимую в работах [Фисун 2010; Kollmorgen 2013; Гельман 2015]). Среди этих режимов нет устойчивых консолидированных демократий с верховенством права, сменяемостью власти на основе политической конкуренции и открытых выборов, однако их разнообразие весьма широко, а уровни стабильности и векторы трансформации существенно различаются. Историческая траектория российского государства должна осмысляться не только и не столько в привычном противопоставлении “Западу”, сколько в контексте сопоставимых неопатримониальных режимов. Для анализа их разнообразия и динамики необходимо представление об их природе и внутренней структуре.

В работе [Розов 2015: 169] стержневая структура политических отношений (ПО) неопатримониального режима была представлена следующим образом:

ПО-1 – клиентско-патронажные внутри кланов и между кланами (группами);
 ПО-2 – горизонтальные обмены, коалиции между кланами;
 ПО-3 – конкуренция, борьба за дефицитные позиции и ресурсы между кланами сопоставимого статуса;

ПО-4 – полное или частичное господство неформальной сердцевины режима над периферией – всеми группами и индивидами, не попавшими в сеть клиентско-патронажных отношений.

Разделим режимы на основе характера отношения ПО-4 между ядром (сетью кланов с патронажными отношениями) и периферией (не попавшими в сеть группами и индивидами). Для этого воспользуемся шкалой политических отношений, где различаются “полное господство”, “частичное господство (гегемония)” и “неравное партнерство (доминирование)” [там же].

- В *частичной демократии* отношении ПО-4 неопатримониализма является *частичным господством, или гегемонией*; вне “ядра” клиентско-патронажной сети допускается существование автономных акторов со своими ресурсами. Возможным является даже их участие в политической борьбе (в агитации, выборах), но только в тех пределах, пока это не угрожает самому “ядру” (Япония, Мексика, Бразилия во второй половине XX в., Россия 1990-х годов, постсоветские Украина, Молдова, Грузия, Армения, а также Беларусь до прихода Лукашенко, Азербайджан до правления Алиевых).

- В *жестком авторитаризме* отношении ПО-4 неопатримониализма является *полным господством*; вне “ядра” клиентско-патронажной сети “своих” существование автономных акторов со своими ресурсами уже *не* допускается. Строго ограничивается и даже под разными предлогами запрещается их участие в политической борьбе (в агитации, выборах). Однако внутри самой сети сохраняются отношения *частичного господства* – гегемонии (ПО-1), т.е. кланам позволено иметь ресурсы, автономно действовать. Но только – под надзором и с жестким запретом вступать в коалиции с “несистемными” акторами. Таковы были Ирак при Саддаме, Венесуэла, Эквадор, многие режимы Центральной Африки, Беларусь при Лукашенко, Азербайджан при Алиевых, Узбекистан. Постсоветские Кыргызстан и Казахстан в разных аспектах сочетают черты частичной демократии и жесткого авторитаризма. С осени 2003 г. и особенно с весны 2012 г. признаки такого типа режима усиливаются и в России.

- В *тоталитаризме* отношении полного господства распространяется не только на периферию, но и на акторов (индивидов, кланов) внутри самого “ядра”. Только те, кто занимает самые высшие позиции (входят в узкий круг “своих”), имеют право на автономию и защищенность ресурсов. Все остальные должны участвовать в общих государственных кампаниях (распространение идеологии, “чистки”, “проработки” и т.п.), демонстрировать не только лояльность, но и верность, любовь, полную подчиненность вождям, ненависть к врагам и идеям, символам, назначенным считаться “вражескими”. В современных обществах мало кто честно и открыто воспроизводит дискредитированные гитлеризмом тоталитарные практики (разве что лидеры КНДР); однако призывы к ним, тоталитарные тенденции многие усматривают сегодня и на постсоветском пространстве: негласное введение цензуры, преследование инакомыслящих, запугивание всех поддерживающих “несистемную оппозицию” и т.д. Согласно отчетам *Freedom House*, Туркменистан, Узбекистан и Беларусь являются в последнее десятилетие наиболее несвободными из постсоветских государств, т.е. близкими к тоталитаризму режимами, соответственно с рангами 7, 7 и 6,5 из 7 возможных, тогда как Россия держится на уровне 5,5.

Неопатримониализм также совместим с основными типами “гибридных” режимов (авторитаризмов с демократическим прикрытием): однопартийным, военным и персоналистским [Geddes 1999; Carothers 2002; Харитоновна 2012]. В каждом из них роль господствующего актора в клиентско-патронажной сети играет либо партийная верхушка, либо группа высших военных чинов, захвативших власть, либо лидер с группой ближайших сподвижников (состав которой он способен менять). Надо отметить, что формальные партийные процедуры и военная дисциплина, приверженность правилам противоречат отношениям и практикам (нео)патримониализма, поэтому вполне естественны сдвиги однопартийных и военных режимов к персоналистским (обычно в форме популистского электорального авторитаризма с огромными фактическими полномочиями избранного президента).

РАЗНООБРАЗИЕ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ В ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Концепт неопатримониализма применяют, главным образом, к африканским, латиноамериканским, ближневосточным (Иран, Ирак, Египет, Турция, Тунис, Сирия), южноевропейским (Греция, Италия, Испания, Португалия) и постсоветским политическим режимам.

Считается, что наиболее ярко неопатримониализм проявляется именно в Африке, где очень многое определяется личными отношениями лидера, а государственная сфера в наибольшей мере подчинена частным интересам. С этой особенностью связана и неустойчивость многих африканских режимов, когда при делегитимации лидера рассыпается и вся структура, построенная на личных связях; при этом отстраненные от должности бывшие подчиненные нередко становятся лидерами протестов и переворотов [Bratton, Van de Walle 1994: 462-464]. Кроме того, “слабые национальные буржуазии Африки фрустрированы [преобладающей] государственной собственностью, сверхрегуляцией и официальной коррупцией” [ibid: 467].

В странах Латинской Америки эти отношения осложняются “корпоративизмом”, когда классовые, сословные, региональные, этнические интересы кристаллизуются в самосознательных, претендующих на участие во власти сообществах, в том числе политических партиях, коалициях военных, профсоюзов и т.д. [ibidem]. На Ближнем Востоке место корпоративизма занимает религиозный фактор, поскольку именно исламские сообщества и организации разного типа (от Братьев-мусульман до ваххабитов и запрещенных в России Аль-Кайды и ИГИЛ / ДАИШ) играют особо значимую роль в политической жизни, тогда как военные обычно представляют более светскую или умеренную в религиозном отношении силу.

Постсоветские режимы сами демонстрируют немалое разнообразие. Формально специфика постсоветских стран состоит в наследии коммунистических режимов советского типа. Каковы же содержательные особенности этого наследия, значимые для режимной динамики? В странах Латинской Америки и Ближнего Востока (Турция, Египет) военные, как правило, обладают высоким статусом, политической субъектностью с преимущественно светской, модернизационной направленностью, поскольку высшее офицерство зачастую имеет западное образование, осознает, что военно-технологическую и экономическую модернизацию должна также сопровождать модернизация государственных, правовых институтов. В постсоветских странах обычно картина

иния: военные не представляют собой самостоятельную политическую силу, их идеология скорее консервативная и антизападническая, никак не модернизационная. Соответственно, путь трансформации режима через военный переворот с последующими либеральными преобразованиями здесь закрыт.

Коммунистический режим также наложил отпечаток на базовые структуры, нормы, ожидания как в политической практике, так и в политической культуре большинства населения: общность трактуется как гипертрофия государственной бюрократии, низкая культура горизонтального взаимодействия, доверия, самоорганизации при ставке на вертикальные отношения власти, на принуждение как основу “порядка” [Гудков 2004; Розов 2011: 186-209]. Это порождает слабость, разобщенность политической оппозиции в большинстве постсоветских стран (пожалуй, за исключением государств Балтии, которые существенно отличались от остальных и в советскую эпоху). В целом, постсоветский тип неопатримониализма, от Беларуси до Узбекистана, по многим параметрам напоминает больше, увы, африканский тип (слабая, запуганная буржуазия, преобладание государственной собственности, сверхрегуляция, почти официальная коррупция), с той разницей, что в Африке больший вес имеют персональные качества лидеров и личные, родственные отношения, тогда как постсоветские режимы в большей мере бюрократизированы¹.

Обратимся к четырем типам отношений, формирующим каркас каждого неопатримониального режима (см. выше). В архетипичных африканских режимах доминируют личные вертикальные отношения ПО-1, соответствующие патронажные сети. Влиятельность корпоративистских, в том числе военных структур и религиозных сообществ в Латинской Америке и на Ближнем Востоке, классовых и сословных структур в Южной Европе указывает на сравнительную силу горизонтальных партнерских ПО-2 и конфликтных ПО-3 отношений между политическими акторами, в том числе сформированными по клановому, клиентско-патронажному типу.

Постсоветские неопатримониальные режимы трудно привести к общему знаменателю в данном плане. Пожалуй, можно только предположить, что персональная влиятельность сильных лидеров, как правило, ограничивается бюрократическими традициями, оставшимися от советского прошлого. Кстати, неслучайно отстраненные от власти политики почти никогда здесь не становятся успешными лидерами протестов и переворотов². Горизонтальные партнерские и конфликтные отношения также ослаблены, “скрыты под ковром” из-за доминирования вертикального

¹Параллель между африканскими и постсоветскими режимами может казаться скандальной и обидной для нас — наследников одной из двух сверхдержав 1950-80-х годов. Действительно, уровень образованности населения, науки, технологии, экономики, социального развития, по крайней мере, в наиболее продвинутых постсоветских странах, включая Россию, гораздо выше, чем в странах Центральной Африки. Но означает ли это лучшие шансы на построение полноценной конкурентной демократии и открытого правового общества европейского типа? Последнее сомнительно по многим причинам, в том числе, потому, что указанные преимущества может эффективно использовать не только и не столько демократическая оппозиция, сколько сам авторитарный режим, особенно когда в своей антизападнической направленности он задействует свои немалые административные, экономические и силовые ресурсы для достижения монопольного контроля над медиа-пространством, судебной системой и всей политической сферой, включая выборы. Кроме того, неоднократно отмечалось, что легкость эмиграции наиболее талантливого, образованного и социально активного слоя демпфирует возникающие напряжения и служит стабилизации режима.

²Характерный контрпример — громкий уход Б.Н. Ельцина из большой политики и его триумфальное возвращение, — скорее, подтверждает данное наблюдение, поскольку это оказалось возможным только в краткий период большого тектонического сдвига: разрушения советской государственности и глубокой трансформации почти всех бюрократических структур.

принуждения. В большинстве постсоветских стран (кроме прибалтийских государств, отчасти Грузии, Молдовы и постмайданной Украины) главным остается отношение ПО-4, устанавливающее труднопроходимую границу между “допущенными и не допущенными к столу” политической власти (по Ф. Искандеру).

ФАКТОРЫ УСПЕХА АВТОРИТАРНЫХ РЕЖИМОВ

Как и почему меняется неопатримониализм? Есть ли в нем собственные стимулы к изменению, развитию, или только кризисы и внешние вызовы приводят к существенным сдвигам? Совместим ли вообще неопатримониализм с динамичным развитием, технологическим, экономическим и социальным прогрессом?

Если вынести за скобки полноценные консолидированные демократии, то остается не так много стран (в той или иной мере авторитарных) с собственной прогрессивной динамикой. Наиболее успешными являются Сингапур и Объединенные Арабские Эмираты, относительно успешными – Китай и военно-бюрократические режимы Бразилии и Аргентины в 1960-1980-е годы.

Отметим, что режимы этих стран весьма далеки от неопатримониализма. Сингапур является признанным чемпионом по преодолению коррупции – родовой черты этого типа режимов. Китайские власти также борются с коррупцией весьма жесткими методами, здесь довлеют партийные принципы организации власти, а также строгий и вполне безличный порядок вертикальной мобильности чиновников в зависимости от экономических успехов вверенной им территории. ОАЭ представляют собой высокоинтегрированную коалицию монархий. Политические режимы в Бразилии и Аргентине теперь уже имеют существенные черты демократии, а в своем происхождении и основе сочетают стереотипы вполне прогрессивной военной организации и принципы либеральной экономики “чикагских мальчиков” с уважением к собственности, суду и формальным процедурам.

Каждая из этих стран, если и имеет черты патримонии, то без приставки “нео-”: там нет никакой нужды прикрывать реальную политику псевдодемократическими декорациями.

Главное же, что объединяет столь разные по масштабу и устройству режимы, это три взаимосвязанные черты:

1) действительная *солидарность власти с гражданами* (с подданными в ОАЭ), соответствующая ответственность элит за развитие страны, их забота об образовании, квалификации, занятости и благосостоянии народа;

2) *свобода предпринимательства*, легкость создания коммерческих организаций, поощрение и защита конкуренции;

3) достаточно надежная *защита собственности и инвестиций*.

Как и почему эти черты имеют место без полноценной демократии западного типа, – вопрос для отдельного обсуждения. Здесь важно лишь то, что характерное для неопатримониализма разделение реальной скрытой политики “ядра” и декораций псевдодемократических институтов, “общенародной” риторики никак не совмещаются с указанными чертами успешных в развитии авторитарных режимов.

Важнейшее в неопатримониализме отношение ПО-4, напротив, определяют характерные для него: 1) отчуждение, отсутствие солидарности с основной массой населения; 2) ограничение свободы предпринимательства; 3) слабая защищенность собственности и инвестиций, поскольку свобода и защищенность противоречат полноте контроля над ресурсами со стороны

“ядра”. Итоговый жесткий вывод: не следует ждать от неопатримониализма прогрессивного развития на основе внутренних стимулов³.

СТАБИЛЬНОСТЬ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В классической, часто цитируемой работе Ричарда Снайдера показано, что в разных условиях неопатримониальные режимы могут либо распадаться вследствие революции, либо приводить к военным переворотам или к демократическому транзиту [Snyder 1992]. Главные факторы связаны с протяженностью и надежностью патронажных сетей. Наиболее уязвимыми для революции являются режимы, где эти сети замыкаются в узком слое вокруг лидера и правящей группы (случаи Китайской революции 1911 г., Иранской революции 1979 г., революций в Тунисе и Египте 2011 г.). Влиятельность и самостоятельность военных препятствуют революции; при отсутствии проникновения патримониальных сетей в эту среду военные в случаях делегитимации власти и лидера способны составить коалицию с оппозиционными силами и совершить переворот, свергнув правителя, но не разрушая при этом государственные структуры (случаи военных переворотов в Греции, Турции, Филиппинах).

Исследователи также указывают на такие факторы, как доминирование сторонников жесткой политики (*hard-liners*) и мягкой, компромиссной политики (*soft-liners*) во власти, на соотношение сил между приверженцами и противниками режима, причем среди последних могут преобладать как сторонники реформ, так и радикалы. Делегитимация и изоляция “жестких” лидеров во власти при преобладании радикалов в сильной оппозиции ведет к революции, но при надежной поддержке военных и разветвленных патронажных сетях, при слабой оппозиции “жесткая политика” может успешно преодолевать кризисы режима. Эти случаи на примерах Сирии, Ирака, Ливии и Туниса, сохраняющих стабильность в последние десятилетия XX в., проанализировал Джейсон Браунли [Brownlee 2002].

Отметим, что уже в начале нынешнего века стабильность в каждой из этих стран была по разным причинам утрачена (революция и смена власти в Тунисе, военное поражение в Ираке, распад государственности и гражданские войны в Ираке, Ливии, Сирии). И так, жесткая линия и силовые ресурсы не являются панацеей; как внутренние, так и внешние факторы вполне могут разрушить стабильность таких режимов.

Есть также теоретическое и эмпирическое подтверждение того, что репрессивность режима — обоюдоострое оружие: запрещая какую-либо самостоятельную активность, они могут долгое время сохранять стабильность. Массы населения в условиях таких режимов лишены информации о масштабе и уровне недовольства властью, они не выходят на улицы не вследствие поддержки режима, а из-за страха быть избитыми, арестованными, осужденными. Но при достижении некоего критического уровня недовольства происходит каскад протестов с быстрым нарастанием их численности, что приводит к свержению таких режимов [Kricheli, Livne, Magaloni 2011].

³ Военные хунты, ориентированные на модернизацию и национальное развитие, скорее преобразуются в демократии, чем неопатримониальные режимы, лидеры и элиты которых заинтересованы лишь в сохранении и укреплении власти. С 1945 г. в случае 74% переходов от военных режимов на их место пришли долгосрочные (31%) или краткосрочные (43%) демократии. И только 16% персоналистских (неопатримониальных) систем стали стабильными демократиями, а в 49% случаев на месте старых персоналистских режимов возникли новые авторитарные [Geddes 1999].

В последние 10-15 лет в сравнительной политологии и политической социологии получены значимые теоретические и эмпирические результаты относительно динамики авторитарных, в том числе и неопатримониальных режимов, особенно на материале стран Африки и Латинской Америки [Bratton, Van de Walle 1994; Mahoney 2001; Bechle 2010; Kollmorgen 2013].

Теоретическим прорывом является новая версия концепции эффекта колеи (*path dependence effect*), включающая “критические моменты” (*critical junctures*), когда акторы выбирают из ограниченного набора альтернатив, что приводит к складыванию социальных структур (прежде всего, институтов), воспроизводящихся в дальнейшем и препятствующих иным ответам и выборам. Модель дополняется соображением о том, что новые институты особо выгодны оказавшимся во власти группам, которые получают достаточно ресурсов, чтобы препятствовать любым изменениям режима, способным поставить под вопрос их позиции. Кроме того, выбор стратегии в критические моменты может приводить к закономерным ответным реакциям, к “ответным последовательностям” (*reactive sequences*) и логике конфликта, в том числе к его эскалации. Тогда структуры и институты складываются уже не как следствия начального выбора, а как следствия итогов конфликтного взаимодействия. На эту внутреннюю динамику накладываются также внешние вмешательства: прежде всего, геоэкономическая экспансия, укрепляющая выгодные ей и / или угнетающая невыгодные структуры и институты.

На основе этой нетривиальной конструкции Дж. Махони объяснил становление весьма отличных друг от друга политико-экономических режимов в Гватемале, Коста-Рике, Сальвадоре, Гондурасе и Никарагуа, несмотря на то, что все они вышли из сходных “критических моментов” конца XIX – начала XX вв., когда в каждой из этих стран был выбран тот или иной путь аграрной политики [Mahoney 2001: 113-115].

Показано также, что сами ответы правящей элиты на социально-политические вызовы (уличные протесты, гражданское неповиновение и проч.) во многом зависят от характера доходов государственного бюджета. Если их основу составляют налоги от частного предпринимательства, в том числе малого и среднего бизнеса, то элита больше склонна к уступкам, реформам и производству общественных благ, тогда как при наполнении бюджета преимущественно за счет сырьевого экспорта или иностранной помощи нужда в реформах и уступках отпадает, в этих случаях, скорее, будут наращиваться репрессии [Mesquita, Bueno de, Smith 2009].

Очевидное влияние внешних (геополитических, геоэкономических, геокультурных) и культурных факторов на стабильность и векторы развития неопатримониальных режимов является сложным, поливариантным. По этой теме пока еще нет систематических исследований и надежных обобщений.

Общие теоретические соображения позволяют предположить, что стабильность режима укрепляется, когда его место в мировой политике и международном разделении труда (например, как надежного поставщика сырья) устраивает лидеров ядра глобальной мир-экономики, причем режим не производит особо значимых угроз и напряжений (случаи Саудовской Аравии, Нигерии, Казахстана, а также России до весны 2014 г.). Как всегда, высокий уровень внешнеполитического успеха и престижа способствует внутренней легитимности власти, укреплению режима.

Сложнее обстоит дело с военными победами и расширением геополитического контроля. Если раньше (до 1920-1940-х годов) эти факторы однозначно

повышали престиж правителей внутри страны, то теперь вмешивается фактор международного признания оправданности, законности таких акций. Так, быстрая и в военном отношении блестящая победа США во второй Иракской войне (2003 г.) по известным причинам не была признана оправданной в мире, способствовала скорее международной дискредитации, а не триумфу Америки. Соответственно, и во внутренней политике последующий провал республиканской партии на президентских выборах соответствовал паттерну дискредитации, а не повышению престижа и легитимности власти. Можно полагать, что для неопатримониальных режимов действует та же закономерность, эффект которой может быть отсрочен, но не отменен монополией авторитарной власти на политическое информирование внутренней аудитории.

Этнополитическое отчуждение между населением, элитами разных регионов страны подрывает стабильность (перевороты, революции и вооруженные конфликты в Кыргызстане, Украине, Сирии, Ираке, Ливии). Трагический опыт прошлых революций, отсутствие убедительных политических альтернатив блокируют протестную активность, что способствует консервации режимов даже с высоким уровнем коррупции и злоупотребления властью.

ДИНАМИКА ПОСТСОВЕТСКИХ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Для теоретического осмысления динамики режимов необходимо определить главные измерения (шкалы, оси), по которым режимы меняются. Резонно одной такой осью считать уже упомянутое измерение уровня авторитарности (от полноценной демократии до тоталитаризма). В некотором приближении ранги “уровней свободы”, выставляемые ежегодно для каждой страны организацией *Freedom House*, отражают динамику вдоль этой оси (1 – полноценные демократии, 1,5-3,0 – частичные демократии; 3,5-6,0 – жесткий авторитаризм; 6,5-7,0 – тоталитаризм).

Постсоветские страны⁴ либо усугубляют уровень “несвободы” (Азербайджан, Беларусь, Россия, Таджикистан, Узбекистан), либо надолго укрепились на том или ином уровне “несвободы” (Казахстан, Туркменистан), либо переживают волнообразную динамику между “свободой” и “несвободой” (Армения, Грузия, Кыргызстан, Молдова, Украина).

Вторая переменная – уровень бюрократизации – означает степень проникновения в общество и жизнь граждан формальных безличных норм, правил, практик государства [Розов 2015]. К сожалению, здесь нет адекватных измерителей и широких международных исследований, мониторинга этого параметра. Можно только предполагать, что он коррелирует с уровнем грамотности населения, охватом его системами начального и среднего образования, индивидуального налогообложения, развитием систем социального обеспечения, регистрации частной недвижимости и т.д.

Несмотря на заявленный ранее тезис о том, что патримония – антитеза бюрократии [Collins 2011; Розов 2015], отнюдь не очевидно, что высокий уровень бюрократизации общества (например, в современной России) непременно сопровождается низким уровнем патримониальных отношений. Скорее,

⁴ Дальнейший анализ постсоветских режимов отчасти продолжает линию, заданную Дм. Фурманом [Фурман 2004], который объяснял их дивергенцию (в тогдашних оценках *Freedom House*) через религию, цивилизационную принадлежность, прошлое вхождение в ту или иную империю, роль в ней, а также через индивидуальные качества правителей. Мой подход отличается большим вниманием не к стационарным (цивилизационная принадлежность, религия) и случайным (качества правителя), а к структурным и динамическим факторам трансформации режимов.

строгие формальные безличные бюрократические правила и практики (например, ЕГЭ, медицинское страхование, автострахование, налогообложение) работают в одних сегментах общества, а неформальные, теневые практики неопатримониализма (крупные государственные заказы, назначения на высшие посты в ведомствах, госкорпорациях и прочее) — в других.

Еще одно важное измерение — стабильность / нестабильность режима. Здесь также есть “индексы хрупкости государств”, но для наших целей достаточно учитывать три ступени: *стабильность* (протесты отсутствуют, либо слабые, редкие протесты, которые успешно подавляются), *турбулентность*, или средний уровень нестабильности (затяжные массовые протесты, политические кризисы, которые, однако, преодолеваются властью) и *нестабильность* (перевороты и революции со свержением власти, гражданские войны, государственные распады). Так, на постсоветском пространстве среди неопатримониальных режимов стабильными являются Туркменистан, Казахстан, Азербайджан с 1993 г., Таджикистан с 2009 г., Россия 2000–2011 гг. и с 2012 г. Иными словами, по сию пору режимы жестко авторитарные и тоталитарные показывают максимум стабильности.

Турбулентность наблюдалась в России (преодоленные кризисы 1993 г., 1998–1999 гг., 2011 — начала 2012 г.), в Беларуси (политический кризис 1996 г., подавление оппозиции), в Молдове (отставка президента, беспорядки, состоявшийся референдум 2009–2010 гг.), в Узбекистане (мятежи 1999–2000 гг., 2005 г.), в Таджикистане (мятеж 1998 г., уличные беспорядки 2008 г. и их подавление). Она характерна как для мягких имитационных демократий, так и для жестких авторитарных режимов.

Обращает на себя внимание, что только в одном случае — в Молдове — кризисы привели к некоторому росту уровня свободы (согласно отчетам *Freedom House*, после 3,5 и 4,0 Молдова получает ранг 3,0 в 2011–2014 гг.). В остальных случаях турбулентности повышается авторитаризм.

Случаи высокой нестабильности включают: провал ГКЧП в Москве и распад СССР в 1991 г. (формально случай не попадает в постсоветскую динамику, но уж очень он яркий и показательный), вооруженный конфликт относительно статуса Приднестровья 1990–1992 гг. в Молдове, перевороты в Азербайджане 1992, 1993 гг., в Грузии 1992, 1993, 2003 гг., в Кыргызстане 1993, 2005, 2010 гг., гражданская война в Таджикистане 1992–1997 гг., “мягкий переворот” 1998 г. в Армении, Майданы в Украине 2004 г. и 2013–2014 гг. Здесь динамика самая противоречивая.

Среди нестабильных режимов нет откровенно тоталитарных, но уровень авторитаризма в них самый разный. Также нет и единой тенденции сдвигов между старыми и новыми, победившими режимами. Наблюдаются, скорее, разнонаправленные и волнообразные движения.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ДИНАМИКИ

Особенности устройства постсоветских неопатримониальных режимов А. Фисун характеризует так: “...в отличие от моделей демократизации в Латинской Америке, Южной и Центрально-Восточной Европе, неопатримониальные элиты в бывших постсоветских государствах разделены и конкурируют между собой, прежде всего, за доступ к клиентарно-патронажной сети, в центре которой находится лидер государства [...] Вместо классического разделения между умеренными и радикалами, либералами и консерваторами, левыми и правыми, постсоветские неопатримониальные режимы могут быть охарактеризованы субэлитным расколом, вырастающим из конкуренции за

лучшую позицию в иерархическом клиентарном распределении ‘благ и привилегий’. В этом смысле сущность политической борьбы в неопатримониальной системе состоит в борьбе за расположение и покровительство со стороны главы государства, но отнюдь не в борьбе за голоса потенциальных избирателей” [Фисун 2010: 171-172]. Схожим образом о “порочном круге” постсоветского неопатримониализма высказывается и В. Гельман [Гельман 2015].

Высокая стабильность жестких авторитарных и тоталитарных режимов объясняется монополизацией главных политических ресурсов правящей группой, а также сплоченностью, солидарностью элит, которая обычно обеспечивается страхом их членов “выпасть из обоймы”, благоприятными условиями ренты, личной харизмой правителя, геополитическим престижем, заслуга обеспечения которого приписывается лидеру, эффектом “принудительной коалиции” — уверенностью, что каждый отступник будет подавлен соединенными усилиями тех, кто сохранил лояльность.

Если признать верными эти факторы, то их ослабление, тем более скоординированное, должно снизить стабильность, как минимум, до уровня турбулентности. Действительно, в прошлой истории тоталитарных режимов смерть диктатора, военное поражение, падение международного престижа, существенное сокращение государственных доходов и ренты для элиты — все это приводило к кризисам, а то и к распадам, глубоким трансформациям режимов.

Будущая стабильность жестких режимов на постсоветском пространстве зависит, таким образом, от того, насколько правящие группы сумеют нивелировать указанные факторы или хотя бы не допускать их одновременного действия. Сохранение сплоченности элит и поддержание лояльности силовых структур, как всегда, оказываются главными условиями удержания авторитарной власти.

Ошибочны прекраснотушные представления о том, что коррупция (как “порча”) разъедает государство и ведет его к кризису. К. Дарден убедительно показал, что коррупция является эффективным способом поддержания вертикального контроля в бюрократической иерархии, поскольку предоставляет “клиентам” дополнительный доход (кормление на должности), увеличивающий послушание, лояльность “патронам”, в том числе из-за незаконности дохода и уязвимости его получателей, страха попасть в опалу, а потом и в тюрьму [Darden 2008: 38].

Преимущественно авторитарный крен режимов, претерпевающих турбулентность, структурно сходен с храповым механизмом: в одну сторону движение легко и естественно, а в другую полностью заблокировано. Как это объяснить? *Авторитарный крен* — это всегда следствие репрессивных стратегий правящей группы. При турбулентности (среднем уровне нестабильности) кризисы и протесты преодолеваются властью, значит, согласно *принципу подкрепления стратегий* [Розов 2015] при каждой последующей трудности будет выбрана, скорее, репрессивная, запретительная, принудительная стратегия. При этом повышается опасность личных преследований при утере власти, соответственно, любые сдвиги в сторону демократии, свободных выборов чреваты неприемлемыми потерями для власть имущих, и наоборот, усиливаются мотивы к большей концентрации власти и ресурсов, что и дает авторитарный крен.

Особый интерес вызывает исключительный случай Молдовы, которая умудрилась выйти из весьма острого социально-политического кризиса 2009 г. (с захватом президентского дворца, погромами, уличным насилием) не в сторону авторитаризма, а в сторону демократии. Патовая ситуация, отсутствие решающего ресурсного преимущества у какой-либо политической

силы служит первым объяснением. Второй объяснительный принцип можно назвать “внешней демократической референцией”: здесь близость, влияние авторитетных европейских стран, Европейского союза служат ограничителем для агрессивных стратегий каждой политической силы, а также мотивирует следовать образцам консенсуса и решения конфликтов через новые выборы.

Заметим, что для Беларуси этот фактор не действовал, а для Украины некоторые признаки этого проявились только после победы второго Майдана. Любопытно, что попыток установления властной монополии и вытеснения соперников не избежал и откровенно антироссийски настроенный В. Ющенко. И в том, и в другом случае референтной страной была Россия (где стратегии упрочения властной монополии и оттеснения политических конкурентов доминируют с октября 1993 г.): и в Беларуси, и в Украине (вплоть до 2013 г.) внешняя референция при выборе стратегий оказывалась глубже и сильнее, чем демонстративная риторика.

РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРЕВОРОТЫ В НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМАХ

Наиболее сложны для объяснения разнородные случаи высокого уровня нестабильности, когда власть свергается в результате переворотов, революций, когда происходят гражданские войны и распад государственности.

Факторы нестабильности, смены власти, распада режимов достаточно известны [Скосрол 1979; Цирель 2012; Коротаяев, Исаев, Васильев 2015; Коллинз 2015]:

- нет устойчивого роста государственных доходов и роста ВВП;
- нет большого и эффективного аппарата насилия;
- нет достаточной лояльности аппарата насилия, готовности подавлять протесты силой;
- нет монопольного контроля властного центра над СМИ;
- для несогласных, недовольных нет ясной перспективы честных и открытых выборов;
- есть автономные центры политического влияния с финансовыми, медийными, мобилизационными ресурсами;
- экономические неурядицы совпадают с внешним провалом или иными причинами падения легитимности власти и лидера;
- есть вдохновляющая идейная альтернатива, связанная с центром мобилизации протеста;
- есть “горючий материал” протеста – нередко столичная безработная молодежь;
- есть центр-периферийный диссонанс (модель А) – столица недовольна консервативной властью, выбранной провинциальным большинством;
- есть центр-периферийный диссонанс (модель Б) – агрессивные сплоченные группы в провинции вместе с реакционными силами в центре пытаются свергнуть прогрессистскую власть.

Дополнительная специфика рисков для неопатримониальных режимов состоит в кризисе стержневых комплексов политических отношений.

Ослабляется полная или частичная гегемония властного центра над подчиненными кланами внутри “ядра” – клиентско-патронажной сети (ПО-1). Базовые причины таковы: патрон уже не выполняет своих негласных обязательств, не обеспечивает безопасность (рискованно оставаться его привер-

женцем), ставит под вопрос благосостояние, полномочия и престиж своих клиентов-вассалов (снижаются возможности административной ренты, нет поддержки сверху для дисциплинирования распоясавшихся подчиненных).

Усиливается раскол (отчуждение, борьба, конфликтность) между самими кланами на горизонтальных уровнях (распад ПО-2 и выход ПО-3 за мирные рамки) из-за борьбы за ренту и стремления захватить выигрышные позиции при ослаблении и вероятном падении общего патрона.

Наконец, испытывает коррозию важнейшее отношение ПО-4 (солидарность “ядра” в подавлении аутсайдеров, недопущении их к власти и ресурсам), поскольку некоторые акторы (кланы “ядра”) в целях пополнения своих ресурсов вступают в коалицию с аутсайдерами, тем самым делая “пробоину” в сплоченности неопатримониальных элит, открывая путь опасным для режима “несистемным” центрам влияния, массовым протестным движениям.

Самый животрепещущий вопрос: во что превращаются терпящие глубокий кризис и распад жесткие авторитарные и тоталитарные режимы?

Несколько успешных случаев демократизации (постфранкискская Испания, послевоенные Германия и Япония, постсоциалистические страны Центральной Европы и Прибалтики) связаны либо с прямой оккупацией (инклюзией) демократическими странами, либо с сильным фактором внешней референции — стремлением отвечать стандартам авторитетных демократических соседей.

При отсутствии этих факторов посткризисные режимы остаются авторитарными, иногда смещаясь к частичной демократии (как в начале 1990-х годов Азербайджан, Армения, Беларусь, Молдова, Россия, Украина), но всегда с риском возвращения к жесткому авторитаризму или даже тоталитаризму.

ЧТО ОПРЕДЕЛЯЕТ ВЕКТОР РЕЖИМНОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ?

Понятно, что в каждом случае направление трансформации режима прямо зависит от стратегий победившей коалиции, а также от характера ее взаимодействия с оставшимися политическими силами, от распределения ресурсов между ними. Выбор стратегий победителями в первую очередь определяется *принципом подкрепления* (“за счет чего победили, ту линию и будем развивать”), а также противопоставлением побежденным. Второй принцип не является однозначным: можно противопоставить себя поверженному противнику, выбирая альтернативные стратегии (например, вместо подавления — компромисс), а можно, воспроизводя и усиливая его же стратегии (“око за око”, “вы давили нас, а теперь мы будем давить вас”).

Не редки случаи, когда сама победившая коалиция раскалывается после победы и тогда характер режима определяется уже конфликтным взаимодействием между бывшими союзниками.

Подсказку дает характер главного поля взаимодействия и решающей схватки. Всегда яркое и политически внушительное событие насильственного свержения власти надолго остается образцом успешной стратегии для фрондирующих групп, а также ночным кошмаром для получивших власть. От рисков нового переворота правящая группа в победившей коалиции избавляется либо попытками подавления опасных соперников (успех чего определяется распределением ресурсов), либо компромиссом — “пактом о ненападении”. Вероятность последнего повышается при внешней угрозе и при малом отчуждении между политическими силами, когда в конфликтный период стороны не допускали слишком агрессивных атак друг на друга и откровенного насилия.

После триумфа Б. Ельцина и его приверженцев, засевших в Белом доме в августе 1991 г., ту же стратегию в том же Белом доме попробовали осуществить А. Руцкой и Р. Хасбулатов в октябре 1993 г. Однако во втором случае конфликт был решен грубым силовым образом благодаря тому, что армию удалось привлечь на сторону президента Ельцина и склонить к применению тяжёлого вооружения (танковые залпы).

Фактический проигрыш сторонников Ельцина на думских выборах в декабре 1993 г., успех коммунистов на выборах в декабре 1995 г. и реальная опасность их выигрыша на президентских выборах 1996 г. привели к стратегии “управляемых выборов”, сохраняющейся по сию пору. Здесь разочарование правящих групп в электоральном механизме привело к ставке на административные ресурсы, подкрепленные юридическими (“фильтры”, манипуляция электоральными законами) и силовыми (аресты знаковых оппозиционеров) методами, что и обозначило сдвиг к жесткому авторитаризму.

Перевороты в Азербайджане 1992 и 1993 гг. привели к власти Г. Алиева, который сумел не только монополизировать политические ресурсы (во многом — благодаря контексту войны в Карабахе), но и передать полноту власти сыну: единственный на сегодня полный успех династической политики на постсоветском пространстве. Здесь массивное вооружение, усиление армии, оправдываемые сохраняющимся карабахским конфликтом, служат также важнейшими опорами сложившегося жесткого авторитарного режима.

Бурные события в Таджикистане и Кыргызстане также обеспечили относительную стабильность авторитарным режимам. В Армении внешний конфликт привел к власти лидеров военной победы в Карабахе, что породило напряжение между ними и столичным образованным классом, привыкшим к беспрепятственным коллективным акциям. Здесь сохраняется реальная многопартийность, партии тесно связаны с группами бизнесменов. При этом полувоенное положение Армении, недоверие власти к открытой политике приводят к неустойчивости — колебаниям режима между жестким авторитаризмом и частичной демократией. Во всех четырех случаях большую роль играет *фактор внешней референции* — ориентация на Россию как на геополитического и геокультурного патрона, а для Азербайджана — также и на авторитарную Турцию, Кыргызстана — на авторитарный Казахстан.

Сложная волнообразная динамика в Грузии определяется относительным равновесием сил, когда успешные нелегитимные перевороты хоть и прекратились, но до сих пор сказываются в силовых стратегиях победителей выборов: вытеснять, арестовывать вероятных политических соперников. Эффект весьма успешных административных и либеральных реформ М. Саакашвили был подорван поражением Грузии в войне 2008 г. при критической массе недовольных влиятельных групп. Судя по всему, турбулентность того или иного уровня продолжится в Грузии и дальше.

В Украине эффект второго Майдана омрачается войной и военной напряженностью на востоке страны, крайне тяжелой финансовой ситуацией государства, а также сохранением во власти и на ее ключевых позициях основной массы чиновной и силовой элиты, которая если не саботирует необходимые реформы, то существенно их тормозит. Здесь внешняя угроза и фактор внешней референции — ориентации на авторитарную демократическую Европу — блокируют призывы к новому перевороту (несмотря на случающиеся рецидивы политического насилия). При купировании унижительных для власти военных

поражений и дальнейшей потере контроля над территориями можно рассчитывать на продолжение демократических тенденций.

УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ НЕОПАТРИМОНИАЛЬНЫХ РЕЖИМОВ

Следует признать достаточно высокую устойчивость, приспособляемость тех неопатримониальных режимов, правящие кланы которых овладели широким спектром стратегий политического контроля: от манипулирования общественным мнением, создания псевдообщественных “палат”, “фронтов” и подкупа – до точечных репрессий.

Не просматривается ни стимулов, ни причин для эволюции таких режимов в полноценную демократию. Возникающие кризисы, вплоть до турбулентности (массовых протестов), скорее включают храповый механизм, усиливающий авторитаризм при блокировке обратного хода. Даже в случае смены власти (“цветные революции”) наиболее вероятным сценарием оказывается не переход к демократии, а захват властных позиций новыми группами в сохраняющейся неопатримониальной логике, что ведет к последующему авторитарному закреплению их выигрыша⁵.

А. Фисун считает, что “ключевым конфликтом ‘цветных революций’ является конфликт неопатримониальной бюрократии и рентоориентированных политических предпринимателей”, когда по тем или иным причинам центр патронажной сети пытается упорядочить рентные потоки, что ведет к снижению лояльности и переходу части элиты на сторону оппозиции [Фисун 2010: 180]. Этому способствует общее сокращение ресурсных потоков (например, из-за ухудшения конъюнктуры сырьевых цен на мировых рынках). Политические решения и стратегии недовольной части элиты зависят при этом от соотношения надежд на укрепление позиций при победе протеста и угроз репрессий при поражении, соответственно, а также от оценки сил, энергии, сплоченности, привлекательности лидеров и идей, актуальной и массовой потенциальной поддержки как оппозиции (протестными движениями), так и защитников режима.

Шанс (но отнюдь не гарантию) на демократизацию дает только глубокий социально-политический кризис режима, и то не всякий, а включающий сочетание целого ряда условий [см. Коллинз 2015: гл. 4; Розов 2011: гл. 14]:

- причины провалов и неудач уже не удастся списать на внешних и внутренних “врагов”, происходит делегитимация не только лидера и правящей группы, но базовых лозунгов, символов и принципов функционирования режима (“так жить нельзя!”);
- политическую борьбу в разгар кризиса удалось удержать от крайних и тяжелых форм насилия с практиками физического уничтожения противников; даже если насилие и жертвы имели место, они воспринимаются акторами как события, подлежащие преодолению и недопущению в политику, а не как “нормальные” и “эффективные” стратегии борьбы;
- центры силы победившей коалиции выходят за рамки прежнего неопатримониального “ядра” – клиентско-патронажной сети; не входившие в нее центры не могут стать ее новыми внутренними кланами (из-за внутренних

⁵ Ср.: “цветные революции как внешне, так и внутренне могут быть лучше поняты не в качестве ‘демократических прорывов’, а именно как фазы открытого конкурентного противостояния в рамках более широкого режимного цикла, результатом которых является приход к власти оппозиционных сил” [Hale 2005: 161].

установок, из-за опасности утратить поддержку), но при этом достаточно сильны, чтобы не быть отстраненными от политики (как это случилось с “демократической платформой” в постперестроечной России);

- среди центров влияния и силы в период кризиса нет явно доминирующего, который сумел бы захватить контроль над главными административными (соответственно, силовыми, финансовыми, медийными) ресурсами; поэтому формируется “пакт элит”;

- центростремительные силы превосходят центробежные, то есть геополитическая и геоэкономическая ситуация диктует участникам коалиции большие безопасность и выигрыш от сохранения единства и большие риски – при отпадении от коалиции, от “пакта элит”;

- в рамках этого “пакта” заключается в той или иной форме “договор о разоружении” (отказ от стратегий подавления соперников, устранения их из политического поля), а также принципы разрешения вопросов власти на основе выборов и разрешения конфликтов на основе права, что предполагает переустройства независимую судебную систему, а также запрет на монополизацию и огосударствление СМИ;

- при строгом запрете на нечестную игру, фальсификации на выборах (с угрозой дискредитации нарушителей) каждый центр сил становится заинтересован в политической мобилизации своего потенциального электората, что разрушает “перегородки” важнейшего неопатримониального отношения ПО-4, способствует росту ответственности элит и их солидарности с поддерживающими их социальными группами, общую ориентацию на выполнение формальных правил, а не на тайные межклановые договоренности;

- преодолевается центр-периферийный диссонанс по модели А (когда столица недовольна консервативной властью, выбранной провинциальным большинством), поскольку лидирующие в общественном сознании образованные слои столицы предпочитают стратегии политического просвещения и реванша на новых выборах попыткам переворота;

- преодолевается центр-периферийный диссонанс по модели Б (когда агрессивные сплоченные группы провинции вместе с реакционными силами в центре пытаются свергнуть прогрессистскую демократическую власть), поскольку благодаря восстановлению федерализма, децентрализации власти и финансовой системы политическая активность в каждом регионе сосредотачивается на местных проблемах и местных выборах;

- происходят как минимум два избирательных цикла со сменой власти по результатам выборов, причем с относительно благоприятным фоном геополитического престижа и экономического благополучия, что легитимирует уже сам принцип демократии и делает крайне опасными для любого актора попытки узурпировать власть.

Когда, в какой стране произойдет кризис достаточной глубины, приблизятся ли условия прохождения и разрешения кризиса к вышеуказанным, – это вопросы политического прогнозирования, точность которого сильно зависит от владения эмпирическими данными и стремительно убывает при увеличении сроков прогноза. Поэтому внимание следует сосредоточить не столько на прогнозировании, сколько на мониторинге, интерпретации и моделировании текущей политической динамики с обнаружением открывающихся (и закрывающихся, увы) альтернатив и возможностей.

Именно для этих целей и служат предложенные теоретические рассуждения о структурных факторах динамики политических отношений и трансформации неопатримониальных режимов.

Гельман В.Я. 2015. *Модернизация, институты и “порочный круг” постсоветского неопатримониализма. Препринт М-41/15*. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 44 с. Доступ: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (проверено: 04.10.2015)

Гудков Л.Д. 2004. *Негативная идентичность. Статьи 1997-2002*. М.: Новое литературное обозрение. 816 с.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. 2015. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. — *Социологические исследования*. № 8. С. 119-127.

Коллинз Р. 2015. *Макроистория: опыты социологии большой длительности*. М.: УРСС. 504 с.

Розов Н.С. 2011. *Колея и перевал: макросоциологические основания стратегий России в XXI веке*. М.: РОССПЭН. 735 с.

Розов Н.С. 2015. Теория трансформации политических режимов и природа неопатримониализма. — *Polis. Политические исследования*. № 6. С. 157-172. DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Фисун А.А. 2010. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация. — *Политическая концептология*. № 4. С. 158-187.

Фурман Д.Е. 2004. Дивергенция политических систем на постсоветском пространстве. — *Свободная мысль*. Т. XXI. № 10. С. 14-25.

Харитонов О.Г. 2012. Недемократические политические режимы. — *Политическая наука*. № 3. С. 9-30.

Цирель С.В. 2012. Революции, волны революций и Арабская весна. — *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабская весна 2011 года (под ред. Коротаева А.В., Зинькиной Ю.В., Ходунова А.С.)*. М.: ЛКИ / URSS. С. 153-161.

Bechle K. 2010. *Neopatrimonialism in Latin America: Prospects and Promises of a Neglected Concept*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies; Leibniz Institut für Globale und Regionale Studien. Working papers, no. 153. 27 p.

Bratton M., Van de Walle N. 1994. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa. — *World Politics*. Vol. 46. No. 4. P. 453-489. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2950715>

Brownlee J. 2002. ...And Yet They Persist: Explaining Survival and Transition in Neopatrimonial Regimes. — *Studies in Comparative International Development*. Vol. 37. No. 3. P. 35-63. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/BF02686230>

Bueno de Mesquita B., Smith A. 2009. Political Survival and Endogenous Institutional Change. — *Comparative Political Studies*. Vol. 42. No. 2. P. 167-197. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0010414008323330>

Carothers Th. 2002. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. Vol. 13. No. 1. P. 5-21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2002.0003>

Collins R. 2011. Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. Vol. 636. P. 16-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002716211398201>

Darden K. 2008. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution. — *Politics and Society*. Vol. 36. No. 1. P. 35-60. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0032329207312183>

Geddes B. 1999. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? – *Annual Review in Political Science*. Palo Alto, CA. No. 2. P. 115-144.

Hale H.E. 2005. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. – *World Politics*. Vol. 58, No. 1. P.133-165. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/wp.2006.0019>

Kollmorgen R. 2013. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research. – *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. Vol. 5. No. 2. P. 88-105.

Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. 2011. Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. – *Conference on Non-Democratic Regimes*. Yale University. URL: <http://web.stanford.edu/~magaloni/dox/2011takingtothestreets.pdf>.

Mahoney J. 2001. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective. – *Studies in Comparative International Development*. Vol. 36. No. 1. P. 111-141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/BF02687587>

Skocpol T. 1979. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press. 407 p.

Snyder R.O. 1992. Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships. – *Comparative Politics*. Vol. 24. No. 4. P. 379-399. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/422151>

DOI: [10.17976/jpps/2016.01.10](https://doi.org/10.17976/jpps/2016.01.10)

NEOPATRIMONIAL REGIMES: DIVERSITY, DYNAMICS, AND PROSPECTS FOR DEMOCRATIZATION

N.S. Rozov^{1,2}

¹*Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences). Novosibirsk, Russia*

²*Novosibirsk State University. Novosibirsk, Russia*

ROZOV Nikolai Sergeevich, Dr. Sci. (Philos.), Professor, Institute for Philosophy and Law (Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Novosibirsk State University. Email: nrozov@gmail.com

Received: 11.05.2015. Accepted: 28.10.2015

Abstract. This paper develops the previous publication of the author (“Polis. Political Studies”. No. 6. 2015. P. 157-172) where he presented a theory of transformation of political regimes, analyzed the concepts of political regime, political relations, political cooperation, routine and conflict strategies, described the conditions of regimes’ crises and the nature of neopatrimonialism. Here the author’s attention is focused on the structural typology of neopatrimonial regimes which is built on the basis of different relations between the regime’s core (the patronage network) and the periphery (groups and individuals outside of the network). Thus partial democracy, harsh authoritarianism and totalitarianism are distinguished, each with its own specifics of neopatrimonial relations. The diversity of neopatrimonial regimes in Africa, Latin America and post-Soviet space is considered in these terms. The factors of stability and turbulence, the reasons for choosing a particular vector of regime’s transformation are analyzed. The post-Soviet regimes changes are considered in three dimensions: democracy – authoritarianism – totalitarianism, the level of bureaucratization, and stability – turbulence – crisis. The known factors of state breakdowns and regime transformations are refined for neopatrimonialism, and conditions for post-crisis democratic development are formulated on the elaborated theoretical basis.

Keywords: neopatrimonialism; bureaucratization; regime’s transformation; political relations; political crises; post-Soviet regimes; the conditions of democratization.

References

Bechle K. *Neopatrimonialism in Latin America: Prospects and Promises of a Neglected Concept*. Hamburg: GIGA German Institute of Global and Area Studies; Leibniz Institut für Globale und Regionale Studien. 2010. Working papers, no. 153. 27 p.

Bratton M., Van de Walle N. Neopatrimonial Regimes and Political Transitions in Africa. — *World Politics*. 1994. Vol. 46. No. 4. P. 453-489. URL: <http://home.sandiego.edu/~jmwilliams/brattonandvande-walleandtransitions.pdf>. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/2950715>

Brownlee J. ...And Yet They Persist: Explaining Survival and Transition in Neopatrimonial Regimes. — *Studies in Comparative International Development*. 2002. Vol. 37. No. 3. P. 35-63. URL: <http://la.utexas.edu/users/jbrownlee/documents/article.SCID.2002.pdf>. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/BF02686230>

Bueno de Mesquita B., Smith A. 2009. Political Survival and Endogenous Institutional Change. — *Comparative Political Studies*. Vol. 42. No. 2. P. 167-197. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0010414008323330>

Carothers Th. The End of the Transition Paradigm. — *Journal of Democracy*. 2002. Vol. 13. No. 1. P. 5-21. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/jod.2002.0003>

Collins R. Patrimonial Alliances and Failures of State Penetration: A Historical Dynamic of Crime, Corruption, Gangs, and Mafias. — *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2011. Vol. 636. P. 16-31. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0002716211398201>

Collins R. *Macro-History: Essays in Sociology of the Long Run*. (Russ.ed.: Collins R. *Makroistoriya: opyty sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti*. Moscow: URSS. 2015. 504 p.)

Darden K. The Integrity of Corrupt State: Graft as an Informal State Institution. — *Politics and Society*. 2008. Vol. 36. No. 1. P. 35-60. DOI: <http://dx.doi.org/10.1177/0032329207312183>

Fisun A.A. By Rethinking of Post-Soviet Politics: Neopatrimonial Interpretation. — *Political Conceptology*. 2010. No. 4. P. 158-187. (In Russ.)

Furman D.E. The Divergence of Political Systems in the Former Soviet Union. — *Svobodnaya Mysl'*. Vol. XXI. No. 10. P. 14-25. (In Russ.)

Geddes B. What Do We Know about Democratization after Twenty Years? — *Annual Review in Political Science*. Palo Alto, CA. 1999. No. 2. P. 115-144.

Gelman V.Ya. *Modernizatsiya, instituty i "porochnyi krug" postsovetskogo neopatrimonializma* [Modernization, Institutions and the "Vicious Circle" of Post-Soviet Neopatrimonialism. Preprint M-41/15]. Saint Petersburg: Publishing house of the European University in Saint Petersburg. 2015. 44 p. (In Russ.) URL: http://eu.spb.ru/images/M_center/M_41_15.pdf (accessed: 04.10.2015).

Gudkov L.D. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002* [Negative Identity. Articles 1997-2002]. Moscow: New Literary Observer. 2004. 816 p. (In Russ.)

Hale H.E. Regime Cycles: Democracy, Autocracy, and Revolution in Post-Soviet Eurasia. — *World Politics*. 2005. Vol. 58. No. 1. P.133-165. DOI: <http://dx.doi.org/10.1353/wp.2006.0019>

Kharitonova O.G. Non-democratic Political Regimes. — *Politicheskaya nauka*. 2012. No. 3. P. 9-30. (In Russ.)

Kollmorgen R. Theories of Postcommunist Transformation. Approaches, Debates, and Problems of Theory Building in the Second Decade of Research. — *Studies of Transition States and Societies (STSS)*. 2013. Vol. 5. No. 2. P. 88-105.

Korotaev A.V., Isaev L.M., Vasil'ev A.M. Quantitative Analysis of 2013-2014 Revolutionary Wave. — *Sociological studies*. 2015. No. 8. P. 119-127. (In Russ.)

Kricheli R., Livne Y., Magaloni B. Taking to the Streets. Theory and Evidence on Protests under Authoritarianism. — *Conference on Non-Democratic Regimes. Yale University*. August 15, 2011. URL: <http://web.stanford.edu/~magaloni/dox/2011takingtothestreets.pdf>.

Mahoney J. Path-Dependent Explanations of Regime Change: Central America in Comparative Perspective. — *Studies in Comparative International Development*. 2001. Vol. 36. No. 1. P. 111-141. DOI: <http://dx.doi.org/10.1007/BF02687587>

Rozov N.S. 2011. *Koleya i pereval: makrosotsiologicheskie osnovaniya strategii Rossii v XXI veke* [Track and Pass: Macrosociological Base of Russian Strategies in the XXI Century]. Moscow: ROSSPEN Publishers. 2011. 735 p. (In Russ.)

Rozov N.S. The Theory of Political Regimes' Transformation and Nature of Neopatrimonialism. — *Polis. Political Studies*. 2015. No. 6. P. 157-172. (In Russ.) DOI: <http://dx.doi.org/10.17976/jpps/2015.06.15>

Skocpol T. *States and Social Revolutions. A Comparative Analysis of France, Russia, and China*. Cambridge: Cambridge University Press. 1979. 407 p.

Snyder R.O. Explaining Transitions from Neopatrimonial Dictatorships. — *Comparative Politics*. 1992. Vol. 24. No. 4. P. 379-399. DOI: <http://dx.doi.org/10.2307/422151>

Tsirel' S.V. *Revolutsii, volny revolutsii i Arabskaya vesna* [Revolution, a Wave of Revolutions and the Arab Spring]. — *Sistemnyi monitoring global'nykh i regional'nykh riskov: Arabskaya vesna 2011 goda (pod red. Korotaeva A.V., Zin'kinoi Yu.V., Khodunova A.S.)* [System Monitoring of Global and Regional Risks: Arab Spring 2011 (ed. by Korotaev A.V., Zin'kina Yu.V., Khodunov A.S.)]. Moscow: LKI / URSS. 2012. P. 153-161. (In Russ.)